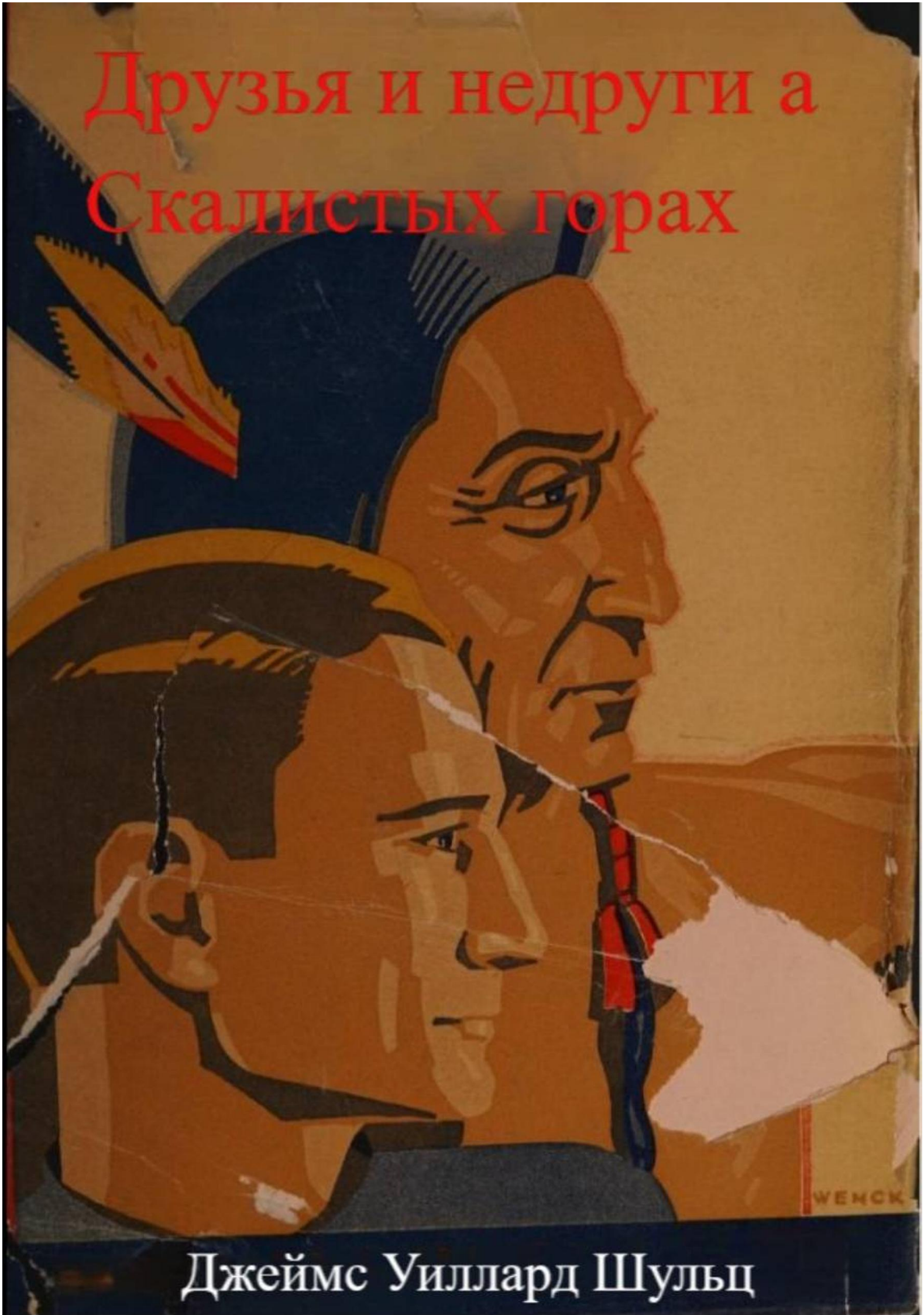
Друзья и недруги а Скалистых горах

Джеймс Уиллард Шульц

Джеймс Шульц

Друзья и недруги в Скалистых горах

«Автор»
2026

Шульц Д. У.

Друзья и недруги в Скалистых горах / Д. У. Шульц — «Автор», 2026

Безрассудство и глупость одного человека ставят несколько племён на грань войны, и первая кровь уже пролита - убита женщина, её дочь, невеста белого юноши, похищена.

© Шульц Д. У., 2026
© Автор, 2026

Джеймс Шульц
Друзья и недруги в Скалистых горах

Глава I

Питаки

Летом 1875 года сравнялось уже пять лет с тех пор, как мы с отцом начали торговать с племенем пикуни, входившем в конфедерацию черноногих. Все это время мы, вместе с нашей упряжкой из восьми лошадей и крепкими фургонами сопровождали племя во всех его путешествиях, снабжая его нашими товарами, которые обменивали на бизоньи шкуры и меха. А теперь, сопровождаемые несколькими вигвамами, обитатели которых хотели навестить своих родственников в городе, мой отец направился в форт Бентон с выручкой от последней зимней торговли – тремя сотнями бизоньих шкур и примерно таким же количеством волчьих и бобровых, оставив меня проводить время в свое удовольствие в большом лагере на берегах реки Срезанных Берегов, всего в нескольких милях от подножия Скалистых гор. Мой отец согласился с тем, что я заслужил право на то, чтобы отдохнуть и развлечься, поскольку зимой мне пришлось немало поработать, ставя капканы на волков и бобров, пока сам он торговал в большом, удобном вигваме Одинокого Вождя, в котором мы всегда жили. К тому же он сказал, что эта возможность отдохнуть – его подарок мне на день рождения, поскольку в день его отъезда мне исполнилось девятнадцать лет. Я не стал называть ему истинную причину, по которой я хотел остаться в лагере: я просто потерял голову, влюбившись в Питаки, дочь Хромого Бизона, сестры моего близкого друга Сайи (Бешеного Волка), который был на одну зиму старше меня.

Питаки была самой красивой молодой женщиной во всем племени. Она была моей ровесницей, полным совершенством в том, что касалось лица и фигуры, с высокой грудью, энергичной, и служила объектом желания как для бесчисленных гостей племени пикуни, так и союзных ему племен. Но одно совершенно отличало её от других женщин конфедерации: она обладала бесстрашием и независимостью в суждениях, что свойственно было скорее опытным воинам. Было довольно странно, и к тому же вразрез с мольбами ее матери, что отец её к подобному поощрял; и на все предложения прославленных и богатых воинов и вождей, которые приходили к нему и предлагали за неё целые табуны лошадей, всем он давал один ответ:

– Моя дочь сама себе вождь; идите к ней и говорите сами.

Некоторые из первых женихов, смирив свою гордыню, так и сделали, и ушли, разочарованные и рассерженные её решительным отказом на свои предложения; после этого другие посылали к ней своих родственниц, чтобы те её уговорили, но с тем же результатом; после этого всего несколько молодых людей осмеливались, с малой на то надеждой, искать её руки. Все, кроме одного, Маленькой Выдры, благородного, гордого, сына богатого Трех Бизонов, который и сам владел большим табуном лошадей. Услышав её отказ, он воскликнул:

– Ты лжешь! Ты хочешь стать моей женщиной! Как Солнце видит меня и слышит меня, я говорю тебе, что ты хочешь поставить вигвам вместе со мной!

С этими словами он ударил ее по лицу и оттолкнул со своего пути. Тогда девушка побежала к своему отцу и потребовала, чтобы он покончил с Маленькой Выдрой за то, что он с ней сделал.

Но вождь с улыбкой ответил:

– Как много раз говорил я, что моя дочь сама себе вождь. Я вновь говорю это тебе, дочь: ты должна сама мстить за причиненные тебе обиды.

И её мать добавила:

– Быть может, у тебя каменное сердце, раз уж ты раз за разом отказываешь этим добрым, богатым, храбрым воинам? Или ты собираешься никогда не стать настоящей женщиной, замужней женщиной?

– Я выйду замуж. Но я молода. У меня ещё много времени для того, чтобы стать хозяйкой вигвама и удовлетворять все желания мужчины.

На это, с удивлением хлопнув в ладоши, её отец воскликнул:

– Хорошо сказано, дочь. Оставайся свободной, сколько захочешь. Ты хорошо знаешь, что дождаться своего мужчину – задача не из лёгких.

Я сидел на своей лежанке в вигваме Одинокого Вождя, слушал это всё и думал. Я часто слышал, что женщины отворачиваются от мужчин с добрым, мягким характером, предпочитая людей грубых, порой распускающих руки, и впадают в зависимость от них. Тогда может быть, это почти неслыханное оскорбление, которое нанес Маленькая Выдра Питаки, было тем самым, что могло бы заставить её предпочесть его всем остальным. Долго хотел я просить её поставить вигвам вместе со мной, много раз была у меня возможность с ней поговорить, но из-за своей трусливой стеснительности я так и не дал ей ни малейшего намека о своем желании. Но теперь, тем самым вечером, когда она была так рассержена на Маленькую Выдру, а щека её горела от удара его ладони, я должен был сказать ей о том, что хочу сделать её своей женщиной.

Дождавшись случая, я остановил её, когда она, с ведром в руке, шла по тропинке за водой.

– Ох! Ты испугал меня, – сказала она. – И твои глаза, они такие большие и блестящие – что с тобой такое?

– Потому что они видят тебя, девушку, которую я хочу; – я сам удивился, как быстро и смело я ей ответил. – Женщина-Орёл, я давно люблю тебя. Я хочу, чтобы ты стала моей женщиной, моей единственной женщиной. Моей женщиной, но не моей рабыней. Ты не будешь носить воду и дрова в мой вигвам, не будешь выделывать бизоньи шкуры и кожу для мокасин, потому что белые мужчины не требуют этого от своих женщин.

– Что? Ты тоже меня хочешь? – сердито спросила она. – Я даже за водой не могу сходить без того, чтобы кто-то не захотел сделать меня своей женщиной? Нет. Я говорю нет, я не стану твоей женщиной. Я собираюсь оставаться со своим отцом и делать для него все, что нужно; только так я могу оставаться свободной и счастливой.

Я ничего на это не ответил, просто стоял и смотрел на нее, и это продолжалось, несомненно, довольно долго, потому что она продолжила, уже более мягким тоном:

– Не смотри на меня так, но смотри, как если бы я была твоей сестрой. Я твоя почти-сестра, как Бешеный Волк – твой почти-брат. Как ты любишь его, так я хотела бы, чтобы ты любил и меня; это будет самая тесная дружба, и это всем нам пойдет на пользу.

– *Ах! Киньяйи! Матсики пикси отокан!* (Ах! Все кончено! Это не стоит птичьей головы!) – воскликнул я; это выражение означало, что мне теперь неважно, что со мною будет дальше.

С этими словами я резко отвернулся от неё. Но она схватила меня, развернула, крепко обняла и подарила мне долгий страстный поцелуй, а затем убежала, но не к реке, а обратно к лагерю, оставив меня в таком состоянии, что я едва мог дышать. Никогда меня не целовали так, как сейчас. И что ещё могло это означать, как не то, что, хоть она и отказала мне в том, чтобы стать моей женщиной, она действительно меня любила, и совсем не как сестра. Я отправился обратно к своей лежанке в вигваме Одинокого Вождя, и весь тот долгий вечер вспоминал встречу с ней, то загораясь надеждой, то снова впадая в отчаяние. Ладно, утром я должен был найти ещё одну возможность встретиться с ней наедине, и тогда…

Я поднялся на рассвете и сидел снаружи у самого вигвама, ожидая, когда она появится. Я мог слышать, как она в своём вигваме, всего в сорока футах от меня, разговаривала со своей матерью, и называла брата сонной головой, заставляя его подняться. Она вышла за дровами, сложенными сбоку от входа, и я знаком предложил ей пройти со мной к реке; она тряхнула головой и поторопилась назад с несколькими ветками.

– Нам нужна вода; принеси немного, – сказала её мать.

– Сходи со мной; я не хочу ходить одна по этой тропинке, – ответила она. – Там страшные густые кусты, через которые она проходит. Пойдём же; дай мне другой котелок.

Они вышли и прошли мимо меня – мать с улыбкой и словами приветствия, дочь так, словно не замечала меня, и я понял, что мне не удастся поговорить с ней наедине, если она захочет этого избежать.

Вышел её брат.

– Ха! Ранняя пташка, давно меня ждёшь? Ну пошли, – сказал он, и мы пошли к реке для утреннего купания.

В тот день у меня не было возможности остаться с Питаки наедине; она всё время была то с матерью, то с двумя другими жёнами Хромого Бизона, тщательно избегая меня, как я явно видел. Но почему? Не потому ли, что она любила меня, но боялась об этом сказать? Или потому, как она сказала, что я был её почти-братом, и не более того.

Последовавший второй день подобной тактики с её стороны привёл меня в решительное настроение – я был рассержен, в отчаянии, и готов был спросить её, даже в присутствии её семейства, будет ли она моей. Но тут прибыл один из наших друзей из форта Бентон и передал мне записку от отца, короткую и говорящую:

«Дорогой Джерри; богатые россыпи открыты на Лососиной реке, и я присоединился к старателям. Заехать за тобой нет времени. Поместил 500 долларов на твой счет у И.Г. Бейкера и С^{o}. лучше оставайся там до моего возвращения. Будь умным и хорошим.

Твой отец Джон Талбот.»

Лососиная река? Река на западе Айдахо, до неё далеко. Там россыпи. Мой отец был человеком крупным и сильным; когда он вооружится киркой и лопатой, галька просто полетит! Он добудет свою долю золотого песка, если только он там действительно есть. Но я всё же жалел, что он туда отправился, ведь наши дела шли отлично: у нас было товаров примерно на десять тысяч долларов, и торговля с индейцами шла хорошо. А работа на приисках зависела от удачи, и шансов у старателей было один против сотни, как я однажды слышал от благоразумного Джорджа Стила.

Я расспросил принесшего записку. Он сказал, что отец купил вьючные сёдла для семи лошадей из нашей упряжки, нагрузил их ящиками и свертками с едой, инструментами и прочими вещами, и, оставив фургоны и упряжь под присмотром Пятнистой Меховой Шляпы – Чарльза Конрада из компании Бейкера – отправился на юг с большой толпой всадников и вьючных лошадей. Они покинули форт, будучи в прекрасном настроении, крича и стреляя из ружей, и вели себя, словно пьяные.

Сидя на своей лежанке и размышляя над всем этим, я решил, что, раз уж отец не вернётся к тому времени, когда шкуры и меха вновь станут ценными, мне придёется самому заняться нашей торговлей. Но сейчас, пока впереди у меня долгие летние месяцы ожидания, я первым делом сделаю все возможное для того, чтобы Питаки стала моей, а затем вволю поохочусь вместе с Сайи и приму участие в многочисленных развлечениях в лагере.

Тут, едва я принял такое решение, к нам пришёл добрый старый Три Медведя и спросил нас – не пойдём ли мы с ним на некоторое время к Большим Внутренним озерам (озерам Святой Марии). Его сын, Оперение Стрелы, хочет поститься, чтобы получить видение, и он хочет, чтобы он выдержал его на том же месте, где сам он получил такое видение, своего священного помощника, а это было на острове на нижнем из озёр. Солнечная Ласка, Росомаха и Хромой Бизона обещали пойти со своими семействами, и он очень хочет, чтобы мы присоединились к ним.

– Когда мы должны отправиться? – спросил Одинокий Вождь.

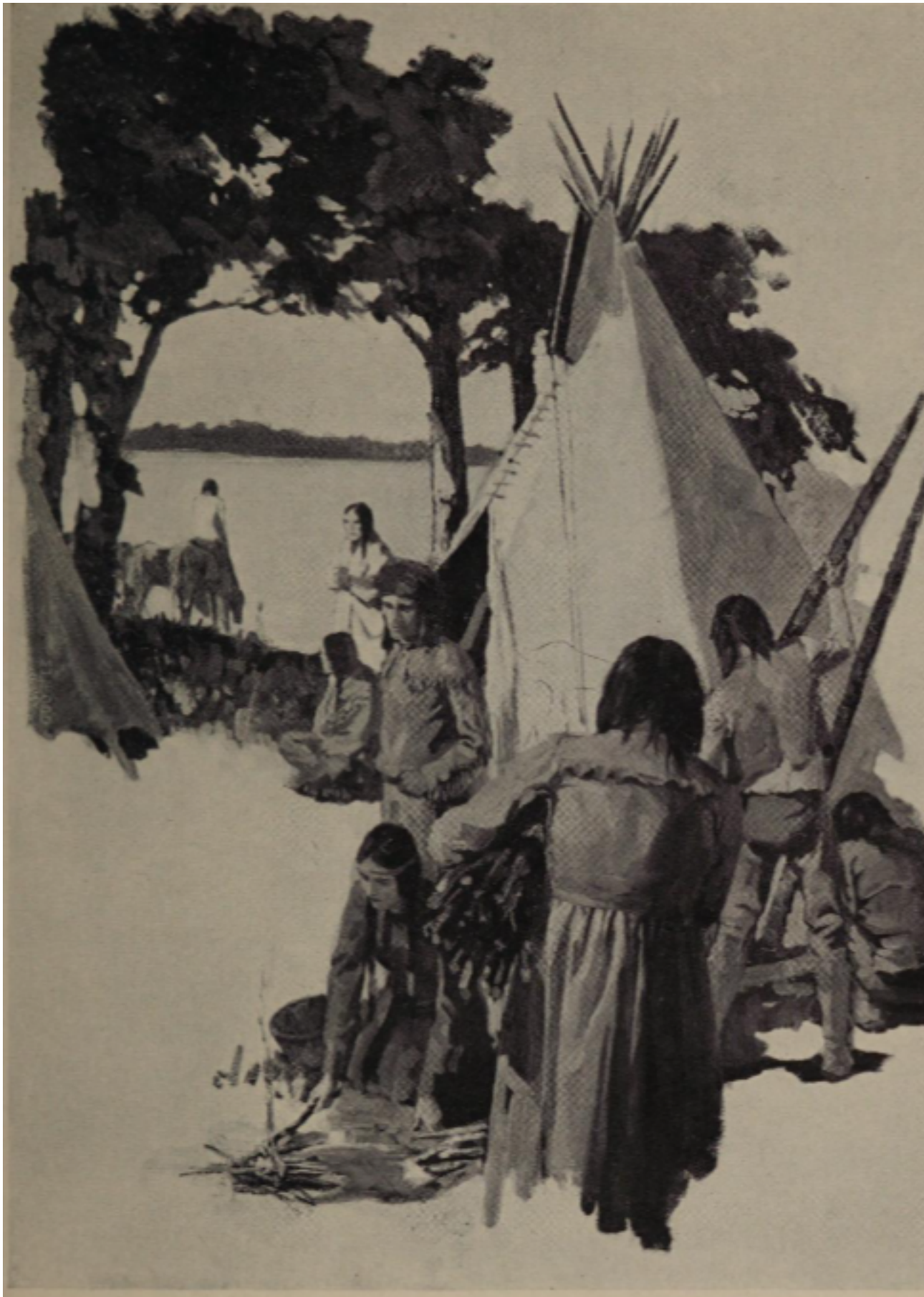
– Утром.

– Хорошо. Выйдем пораньше. Вы, женщины, слушайте меня: сегодня вечером вы должны сделать всё, чтобы снять лагерь.

– Конечно, ты пойдешь с нами, – сказал мне Одинокий Вождь.

Пойду ли я! В этом маленьком лагере у меня наверняка будет возможность касательно Питаки.

– Да, я пойду, – ответил я.

WE MADE CAMP ON THE SHORE OF THE LOWER LAKE

Мы поставили лагерь на берегу нижнего озера

Перед закатом следующего дня мы поставили лагерь на нижнем озере, прямо напротив острова. На рассвете следующим утром женщины поставили хижину для потения, и Солнечная Ласка, могучий жрец Солнца, владелец трубки магии Воды, собрал в ней мужчин, и мы присоединились к его молитвам об Оперённой Стреле, чтобы его поиски видения увенчались успехом. Закончив, мы построили для юноши грубый плот, и он мелкими шагами вышел из вигвама, с распущенными волосами, лицом и руками, выкрашенными красной краской, неся только накидку и ружье, и мы смотрели на то, как он пересек поверхность озера и скрылся в маленькой сосновой рощице, росшей на озере. После этого мы с Сайи оседлали наших лошадей и отправились на поиски мяса. Скоро мы убили большого лося и принесли в лагерь лучшие его части.

И вновь Питаки вела себя так, что у меня не было шансов остаться с ней наедине; она вела себя робко и старалась держаться подальше от меня, когда я с её братом сидел в их вигваме. На второй день нашего пребывания там мы с Сайи обеспечили четыре вигвама жирным мясом толсторога – это были два прекрасных барана, которых мы убили на горе Плоской Вершины, на северном берегу озера. Потом, вечером, Три Медведя попросил нас добыть пару бизонов, потому что ему нужны были языки для церемониального курения и пира, которые должны были произойти, чтобы помочь Оперённой Стреле, который сейчас в одиночестве постился на своем острове; наши совместные молитвы и приношения Солнцу, полагал он, должны были сильно помочь ему.

Мы знали, что в долине рядом с озерами бизонов не было; их не было ближе, чем на равнинах и в оврагах у северного притока Маленькой реки (Молочной реки), а возможно, их не было и там. Но бизонья языки были нужны, и неважно, как далеко нам пришлось бы отправиться за ними, и после небольшой беседы Одинокий Вождь решил, что мы двое должны отправиться на восток, пока не сможем добыть животных, и что Питаки и её мать отправятся с нами и помочь привезти побольше мяса. Действительно, толстороги и лоси, которых мы добыли, были вполне съедобными, но все же все обитатели четырех вигвамов хотели мяса бизонов, настоящего мяса.

– Ха! Теперь у меня будет возможность поговорить с Питаки, – сказал я себе и настоял на том, чтобы отправиться на охоту с утра пораньше.

Насколько иначе могло бы все получиться – и мне пришлось бы рассказывать совсем другую историю – если бы мы так и сделали! Но многие из наших лошадей тем утром пропали, и среди них вьючные, которые нам были нужны, и отыскали мы их только после полудня в густых кустах рядом с бобровым болотом, выше по хребту позади лагеря. Но наконец мы все же вышли – Сайи и я на наших быстрых охотничьих лошадях, женщины на тех, что тянули травуа, и еще с нами было семь вьючных лошадей. Мы спустились к нижней части озера, затем повернули на восток к длинному высокому хребту и вышли к большому озеру, которое годы спустя и вполне заслуженно получило название Утиного озера; поскольку бесчисленные нырки и утки кормились там, и осенью оно было любимым местом отдыха для разных направляющихся на юг водоплавающих птиц.

Мы увидели на противоположной стороне озера семь бизонов, и Сайи предложил обогнуть его и убить их, и на этом закончить нашу охоту. Но его мать имела на это сильные возражения; бизоны явно были старыми и худыми, мясо их было жестким. То, что они тут были, говорило о том. что рядом должно было быть стадо из жирных коров и двухлеток, и мы должны были его найти. Она на этом настояла, и это стало другой причиной для моего рассказа.

Немного восточнее озера я остановил наш отряд и спросил:

– Куда течет вода из этого озера?

– Ты хорошо это знаешь; в воды Больших Внутренних озер, – ответил Сайи.

– А дальше куда?

– В Большую Северную реку (Саскачеван).

Повернувшись и указав на маленький ручеек сбоку от нас, текущий на восток, я спросил:

– А он куда течет?

Питаки нетерпеливо ответила:

– К чему все эти глупые вопросы? Ты сам хорошо знаешь, что он течет в Маленькую реку, и что, далеко на востоке, она впадает в Южную Большую реку (Миссури).

– Да. И куда впадают эти две большие реки?

– Ха! Это так далеко, что мы этого не знаем, – воскликнул Сайи.

– Северная Большая реку течет на восток и север в соленую Бескрайнюю Воду, и это южная граница страны, где не бывает лета, страны Вечной Зимы. Люди там живут в маленьких хижинах, которые делают из снега и льда. Они носят только меховую одежду. Они питаются только рыбой и странными плавающими животными, живущими в Бескрайней Воде. У них нет лесов; огнем они пользуются, сжигая в маленьких плошках жир из рыб.

– Ха! Какими же бедными должны они быть! – воскликнула Питаки, невольно вздрогнув.

– Да. Нам бы не понравилось так жить. Но послушай. Южная Большая река другая. Она течет на восток, впадая в еще большую реку, а та в еще большую, которая течет на юг в страну Вечного Лета, где никогда не выпадает снег, где трава и деревья все время зелены, где много-много разных ягод, которые можно есть, пока мы кочуем или ставим свои вигвамы в снегу и сжигаем очень много дров, чтобы в наших вигвамах было тепло.

– А бизоны там есть? – спросил Сайи.

– Нет. Но много оленей.

– Как счастливы должны быть люди, которые там живут! – сказала Синопаки. – Подумать только: они сидят на теплом солнце и едят ягоды, пока Творец Холода заставляет нас страдать в течение долгих лун от ветров и буранов.

– Я хотел бы провести там одну из наших зим, даже если в этой стране нет бизонов; хватит нам оленей и множества ягод, – сказал Сайи.

– Да, я собираюсь это сделать, – сказал я. – Когда я женюсь, то возьму свою женщину в Много Домов (форт Бентон), и там мы сядем на огненную лодку и поплывем в страну Вечного Лета, и там останемся, пока лето вновь не вернется к нам.

Говоря это, я многозначительно посмотрел на Питаки. Вот те на! Глядя мне в глаза, она улыбнулась, слегка кивнула и посмотрела в другую сторону. Не говоря больше ни слова, я пятками ударил свою лошадь, чтобы заставить её идти, испытывая большую радость, чем за много последних дней. Поцелуй Питаки был не случайным. Она любит меня; она будет моей, чувствовал я.

Солнце садилось, когда мы добрались до северного притока Молочной реки, или, как мы её называли, Маленькой реки, и спустились по её южному берегу, откуда могли видеть её долину и равнину по ту сторону. Двигая так, мы уже в сумерках заметили на южной равнине большое стадо бизонов, примерно в трех милях от нас, которые вытянулись в длинную колонну и направлялись к реке на водопой. Было уже слишком поздно, чтобы гнаться за ними, но они должны были прийти сюда утром, так что мы свернули вниз в долину и остановились в роще из ив и хлопковых деревьев, росшей вдоль берега. Сайи и я стреножили лошадей и пустили их пастись; женщины развели маленький костер, и мы перекусили пеликаном и чаем, ещё немного поговорили о стране Вечного Лета – мои слушатели хотели знать о ней все, что я мог рассказать. Потом мы легли спать.

Сайи разбудил меня на рассвете.

– Пойдём, мы должны отправиться за добычей; несомненно, стадо ещё должно быть в долине, и к нему легко будет подобраться, – сказал он.

– Нет. Не будем торопиться; давай сперва позавтракаем, – ответил я.

– Орлиная Голова, твой почти-брат прав, – сказала мне Синопаки. – Стадо ещё может быть в долине, где, под прикрытием леса, вы можете подобраться к нему и убить много бизонов. Идите сейчас. Мы с дочерью пойдём позже, и будем с вами, когда придет время свежевать вашу добычу. Здесь в парфлеше у меня пемикан; поешьте по пути.

И это был последний повод для моего рассказа. Если бы мы остались с женщинами, помогли им оседлать лошадей и пойти с нами, насколько иначе все бы сложилось!

Глава

II

Убийство и похищение

Лошади, кормившиеся на густой траве долины, отдыхали рядом с лагерем. Сайи и я взяли наших быстрых скакунов, оседлали их и отправились вниз по долине, но скоро поднялись на её южный гребень, откуда открывался хороший вид на равнину. На ней видно было только несколько маленьких стад антилоп, так что мы были уверены в том, что стадо бизонов до сих пор находится в долине. Мы спустились туда быстрой рысью, пересекая реку туда-сюда, стараясь по возможности оставаться под укрытием деревьев. Тут и там чернохвостые олени разбегались при нашем приближении, высоко вскидывая все четыре ноги – это были самые медленные бегуны среди всех оленей; и маленькие группы антилоп на равнине, самые быстрые и сразу нас замечавшие, казались бело-желтыми вспышками света, когда убегали. Тут и там волки и койоты трусили сбоку от нас, с интересом поглядывая на нас с безопасного расстояния, хорошо зная, что там, где пройдут охотники, обязательно найдется, чем им поживиться.

Бизоны оказались там, где мы и ожидали их найти – примерно в трех милях ниже лагеря. Они паслись в длинной, широкой, поросшей густой травой долине на северном берегу реки, и уже собирались вслед за несколькими старыми коровами, которые были вожаками этого стада, подниматься на равнину. Наши лошади учуяли их, когда мы переправлялись через реку и входили в узкую полосу окаймлявших её деревьев, и начали беспокойно себя вести, пытаясь освободиться от своих удил – так велико было их стремление бежать туда, куда мы направлялись. В прежние времена наши охотничьи лошади были действительно кровожадными – такого трудно было ожидать от травоядных животных. Они любили гнаться за стадом и догонять жирных животных, которых мы выбирали. Казалось, их возбуждал грохот тысяч копыт, треск выстрелов и запах крови от падающих и умирающих косматых животных.

Выбравшись из леса, мы оказались прямо позади стада прежде, чем животные осознали наше присутствие, и при первых выстрелах они разбежались, только для того, чтобы снова собраться для мощного рывка на равнину. Мы выбрали себе добычу по округлым ляжкам – чем они круглее, тем больше там было жира. Наши лошади подносили нас ближе к ним с правого бока, и при выстреле – всегда в легкие – кровь текла у них изо рта и носа, и, более не глядя на них, зная, что скоро они упадут, мы уже высматривали другое жирное животное. Поскольку много животных нам было не нужно – не больше, чем могли увезти наши вьючные лошади – я старался выбирать только самых жирных коров, и у подножия склона, убив трёх, я остановил свою лошадь, и Сайи тоже.

Выбравшись из леса, мы оказались прямо позади стада

– Сколько? – спросил он.

– Три жирные, – ответил я.

– Я убил пять.

Мы оглянулись назад по своим следам и увидели восемь тёмно-коричневых холмиков на зеленой траве долины.

– Достаточно; более чем достаточно для нас, – сказал я.

Мы вернулись к ближайшей корове, спешились, наточили свои ножи и скоро сняли с неё шкуру и разделили мясо на удобные для перевозки куски, не забыв про языки – самую лучшую их часть, которые варили, жарили, коптили или вялили, и которые были очень нужны жрецам Солнца для проведения церемоний.

Мы свежевали вторую корову, и, высматривая, не приближаются ли женщины, недоумевали, почему они так задерживаются. Потом, приступив уже к третьей корове, мы начали волноваться, боясь, что с ними могло случиться что-то плохое, поэтому сели на лошадей и поскакали вверх по долине быстро, как только могли. Мы добрались до долины, где разбили лагерь, и Сайи воскликнул:

– Наши вьючные лошади, и лошади женщин для травуа! Их не видно!

– Может быть, поднялись на равнину, где мух меньше – ответил я.

Небольшая струйка дыма поднималась над нашим лагерем в маленькой роще, и, указав на неё, Сайи сказал:

– Скорее всего, мать и сестра там, и с ним все в порядке; может быть, они ищут лошадей и не могут отправиться к нам.

– Ну, ведь они были стреножены и далеко уйти не могли; мы скоро их найдём.

Мы приблизились к лагерю, и Сайи крикнул:

– Эй, лентяйки, мы проголодались; дайте нам поесть.

Ответа не было. Было странно, что они не ответили и не выбежали нам навстречу.

Мы вошли на маленькую полянку среди рощи, остановили своих лошадей и широко открытыми глазами уставились на то, что предстало перед нами: мертвую Синопаки! Она лежала на спине рядом с дымящимся костром, в который были брошены наши вьючные седла. Питаки нигде не было видно. Пропали наши накидки и одеяла, ведро для воды, котелок и небольшой запас еды. Мы громко крикнули: «Питаки! Иди к нам!», – но никто не откликнулся. Мы тщательно осмотрели маленькую рощу, но не нашли никаких её следов ни в ней, ни в соседней роще и зарослях шиповника и ив, и наконец Сайи сказал:

– Моя сестра не мертва! Один из врагов забрал её. Я не успокоюсь, пока не найду его, убью его и спасу её.

Слезы текли из его глаз. Он поднял руки к небу и воскликнул:

– О Солнце! О могучее, которое наверху! Будь милостиво ко мне! Помоги мне найти и убить похитителя моей сестры! Помоги мне найти и убить убийцу моей матери!

Я тоже горевал по Синопаки. С легким характером, добрая, неутомимая женщина, которая практически стала мне матерью и всегда что-то делала для моего удобства. И вот она лежала здесь, жестоко убитая ударом боевой дубинки. Но более горя была моя ненависть к неизвестным врагам, которые убили её и пленили Питаки. Меня пронзил холод, когда я подумал о том, какая судьба её ожидает; я горел желанием спасти её и медленно и мучительно убить их всех.

– Сайи, почти-брат, послушай! – крикнул я. – Как Солнце видит нас, так и мы никогда не успокоимся, пока не заставим этих убийц и воров отплатить за то, что они сделали здесь и сегодня.

И, снова подняв руки к небу, Сайи пообещал:

– Ты слышало его, о Святое Наверху. Что сказал он, сказал и я!

Мы направились к выходу из долины, где в последний раз видели наших лошадей, и оттуда их след был хорошо виден; враги погнали их на северный склон долины, поднимавшийся к равнине, а оттуда на запад, примерно в сторону северного склона Нина Истаки (горы Вождь), выдающейся вершине Скалистых гор, которая является священной горой для племен черноногих. Мы не могли определить численность отряда, разве что были уверены в том, что в нем имеется семь вьючных лошадей и две для травуа, которых они забрали у нас. Проследовав по их следу пару миль, мы нашли ярко раскрашенную сплетенную из травы сумку, которую кто-то из них потерял, и в ней обнаружили маленькие сверточки из оленьей кожи, в которых была красная, желтая и синяя краска; шило, иголки и нити из жил; женское платье из оленьей кожи, с длинной бахромой, красиво расшитое цветными иглами дикобраза; пару маленьких узких мокасин из толстой кожи, подошва и верх которых были сделаны из одного куска; и, наконец, сверток, в котором было два или три фунта жареного камаса. Было вполне понятно, что сумку эту потеряла женщина, и принадлежала она к одному из племен Западной стороны – то есть живущих к западу от Скалистых гор; ведь мокасины разных равнинных племен имеют подошву из полусыромятной кожи, а жареный камас – пища исключительно западных племен. То, что в отряде была женщина, ничего не значило; женщины всех племен, и западных, и равнинных, иногда сопровождали своих мужчин на тропе войны.

Изучив свою находку, мы проехали ещё милю или две, пока окончательно не убедились в том, что военный отряд направляется к Малым Внутренним[1] озерам, откуда идут несколько троп, которые поднимаются на перевалы Хребта – вершины Скалистых гор – и спускаются в страну калиспелсов, кутенаи, спокенов, пенд'ореллей и других племен, со всеми которыми все три племени черноногих в то время были в мире. К чему тогда этот жестокий набег на нас? Быть может, военный отряд одного из наших племен нарушил мирный договор и совершил набег на лагерь одного из племен Западной стороны, убил нескольких из них и ушел с табуном их лошадей? – предположил Сайи.

– Может и так, – ответил я. – Во всяком случае, на своих усталых охотничьих лошадях мы вряд ли догоним этот отряд, а если и догоним, то их слишком много, чтобы нам с ними сражаться.

– Верно! Верно! – согласился он. – Нам остается только вернуться и сделать то, что нам остаётся сделать. Но о, они буду т плакать! Плакать! Плакать за то, что они нам сделали!

Мы вернулись в наш разграбленный лагерь, и я прицепил к своей лошади травуа бедной Синопаки и сам погрузил на неё её тело, поскольку мужчины-черноногие редко прикасаются к телам своих покойников; это исключительно женское дело. Сайи сидел спиной ко мне, пока я выполнял эту скорбную работу, и, когда я закончил и мы сели в сёдла, он двинулся первым, примеряясь в шагу моей несущей двойную ношу лошади.

Уже после полуночи мы приблизились к нашему лагерю, и когда мы увидели четыре вигвама, смутно освещенных светом луны, Сайи сказал мне:

– Голова Орла, почти-брат, пожалей меня! Я не могу надеяться на свой голос; он срывается; сообщи печальную весть, которую мы принесли, тем, кто находится в наших вигвамах.

Хромой Бизон спал чутко и услышал наше приближение, когда мы приблизились к его вигваму, он отбросил входной полог и вышел – настоящий человек-гора, шести футов и шести дюймов ростом, мускулистый и пропорционально сложенный, приятного облика и всегда державшийся с большим достоинством. Он сразу увидел сверток на нашей травуа и спросил:

– Голова Орла, Бешеный Волк, что случилось?

– Там, где мы охотились на бизонов, военный отряд с Западной стороны напал на наш лагерь, они убили твою женщину и убежали с твоей дочерью и нашими лошадьми, – ответил я.

Три его жены, бывшие в вигваме, проснулись и услышали мою новость и, вскочив со своих лежанок и завернувшись в одеяла, они выскочили наружу, причитая о покойной и повторяя, что она ушла, ушла, ушла в Песчаные Холмы. Ведь их было четыре сестры, дочерей могу-

чего в прежние времена вождя, Чёрной Ласки, и Синопаки была из них младшей. Эти трое всегда любили её, баловали, поручали ей самую лёгкую домашнюю работу, и так же сильно любили её дочь, Питаки, которая, что достаточно странно, была единственной девочкой среди всех их детей.

Поторопились к нам и обитатели других вигвамов, некоторые и женщин сразу присоединились к причитаниям, а мужчины старались понять, что случилось с нашим маленьким охотничьим отрядом. Но своим могучим голосом Хромой Бизон потребовал тишины, и я во всех деталях рассказал ему о том, что мы делали, и о том, что случилось с нами по другую сторону водораздела; после этого мужчины собрались на совет в вигваме Солнечной Ласки, оставив женщин готовить тело к похоронам.

Женщины раздули огонь в вигваме, и мы молча смотрели, как он разгорается.

Потом Три Медведя сказал:

– Хромой Бизон, друг наш, сердца наши опечалены; твоя большая потеря, твоё горе – это и наша потеря, и наше горе. И в том моя вина, я причина тому; только по моей просьбе ты пришёл сюда со мной, иначе ты сейчас был бы в большом лагере нашего народа, и твоя женщина и твоя дочь были бы в безопасности в твоём вигваме.

Другие высказали, какую печаль они испытывают, и Росомаха сказал:

– А теперь, друзья мои, что, как вы думаете, мы должны сделать?

– Что до меня, то я вернусь на реку Срезанных Берегов, к нашему народу, и приготовлюсь искать убийц моей женщины и похитителей моей дочери! – с яростью воскликнул Хромой Бизон.

– И мы пойдем с тобой, – сказал Солнечная Ласка.

– Да. Бесполезно оставаться здесь, потому что, даже хотя мой сын, который сейчас на острове, получит своё видение, оно не будет иметь никакой силы, раз уж такое большое несчастье постигло нас здесь, – сказал старый Три Медведя.

– Ах! Тогда мы должны собраться и уйти, как только женщины уложат бедную покойницу на её последнем ложе, – сказал Росомаха.

– Мы можем вернуться к нашей добыче на Маленькой реке и привезти мясо, которое добыли, – предложил я.

Некоторое время никто не говорил, а потом Сайи сказал:

– Я уже выбросил языки, которые были привязаны к моему седлу.

– Да. Это несчастливое мясо. Никто из нас не станет его есть, потому сто оно добыто там, где были убиты наши близкие, – согласился Солнечная Ласка.

Снова настал рассвет. Несколько женщин устроили помост из жердей на крепких ветках соседнего хлопкового дерева. Закончив работу, они уложили на него тело убитой, завернутое в несколько одеял и бизонью шкуру, и вокруг привязали её разные вещи, которые могли ей понадобиться в Песчаных Холмах, месте пребывания мёртвых черноногих, где их тени живут в тенях вигвамов, охотятся на тени животных, разводят тени костров, которые не дают тепла. И наконец Сайи, по приказу Хромого Бизона, убил лошадь под деревом, ставшим могилой, чтобы тень покойной могла уехать на её тени в далекую пустыню. После этого её сестры, плача и причитая, в знак траура коротко обрезали свои волосы и острым ножом нанесли себе порезы на ногах.

После того, как Оперённую Стрелу отвезли на остров, мы его не видели. Но теперь, в ответ на крики отца, он вернулся к нам, бледный и исхудавший от голода, сердитый из-за того, что его позвали, в тот самый момент, когда, как он верил, он должен был получить то, что искал: он слышал, как вдалеке кто-то пел странную песню, и певец этот явно приближался к нему, а потом плач в нашем лагере и крики отца разбудили его. Когда же всё же его мать накормила его, отец объяснил ему причину по которой позвал его, он согласился с тем, что пост при столь печальных обстоятельствах не может быть успешным.

Солнце было ещё невысоко, когда ступили на тропу, ведущую к лагерю, и не останавливались, пока не въехали в большой лагерь у развилки реки Срезанных Берегов, куда въехали медленно; женщины Хромого Бизона оплакивали свою сестру, с горечью причитая:

– Лисичка[2]! Ай йа! Ай йа! Бедная Лисичка, она ушла в Песчаные Холмы!

Мы разделились: пять наших семей, Сайи и я отправились со всем имуществом через большой круг вигвамов общества Маленьких Накидок, к которому принадлежал он и его отец, как и Одинокий Вождь. Это было самое большое и самое сильное из двадцати четырех сообществ племени пикуни, такое большое и независимое, что часто ставило свой лагерь и охотилось отдельно от остальных. Неудивительно, что другие племена и первые белые искатели приключений в этой стране считали его четвёртым племенем конфедерации черноногих.

Толпа людей окружила нас, всем не терпелось услышать рассказ о нашем несчастье. Женщины сообщества, жалея нас, сами разгрузили лошадей, поставили вигвам Хромого Бизона, занесли в него все вещи, принесли дров, воды и достаточное количество еды. Но три сестры бедной Синопаки есть не стали; они вышли за пределы круга лагеря, сидели там и оплакивали свою потерю, пока не охрипли настолько, что не могли более произносить её имя.

Хромой Бизон отказался от еды, он сидел в вигваме, откинувшись на спинку лежанки, и не мигая смотрел на маленький огонек в очаге. Мы с Сайи охотно поели предложенные нам варёные рёбра антилопы, невзирая на наши горькие мысли; и, едва мы закончили, как к нам пришёл Белый Телёнок, вождь общества Скунсов и главный вождь племени, и вслед за ним остальные вожди племени и несколько самых видных мужчин – воинов и жрецов Солнца. Хромой Бизон предложил Белому Телёнку сесть слева от него, знаком предложив остальным садиться, как им следует, и потом велел Сайи рассказать о несчастье, которое с нами произошло.

Тот кратко рассказал о том, как мы встали лагерем на Маленькой реке, охоте на бизонов и возвращении в лагерь, где нашли Синопаки, убитую ударом боевой дубинки, и что её дочь пропала, несомненно уведенная врагами, и пропали наши вьючные лошади и вещи. Потом он показал плетеную из травы сумку и другие найденные нами вещи.

Наибольший интерес вызвали мокасины. Белый Телёнок первым осмотрел их, потом они пошли по рукам собравшихся; все согласились с тем, что это изделие одного из племён Западной стороны, но какого именно, никто сказать не мог.

– Позовите Сахту; он должен знать, кто их сделал, – предложил кто-то, и я один пошел за ним – этот Сахта, наполовину пикуни и наполовину калиспел, одно время был проводником и товарищем отца ДеСмета, и часто упоминался в дневниках этого неугомонного путешественника-иезуита, бродившего среди племен Северо-Запада. Его отцом был пикуни, и две жены были пикуни; жил он по большей части с нами, но иногда пересекал Хребет, чтобы навестить народ своей матери, и приносил много клубней жареного в ямах камаса, вкусом и запахом напоминавших сладкий картофель.

Добрый святой отец, ревностный миссионер, был уверен в том, что его имя Сахта – это искаженное нами имя Сатана, и что он убережет его от адского пламени, обратив в истинную веру, и что вечерами, сидя у костра в вигваме, Сахта долго и страстно будет говорить своим друзьям и сородичам о том, что они должны отречься от своих языческих суеверий и принять учение Чёрных Плащей. Я спросил об этом Сатху, на что он с улыбкой ответил:

– Бедный Чёрный Плащ! Не понимающий нашего языка, как он может знать о том, что я говорил? Я, конечно, рассказывал западным племенам то, что они хотели знать о наших племенах равнин. Ты хорошо знаешь, Голова Орла, в кого я верю.

И с этими словами он указал на Солнце.

Сахта охотно присоединился к нам, и, взглянув на мокасины, сказал, что они сделаны из кожи большеногих – карибу, и, скорее всего, это работа кутенаи – только это западное племя заходит так далеко на север, чтобы добывать этих оленей. Он, конечно, сомневается в том. что

это военный отряд был из этого племени – сами кутенаи, как северные, так и южные, настроены мирно и на хотят разрушать дружеские отношения с племенами черноногих. Разве мы не разрешаем им приходить на наши равнины и убивать столько бизонов, сколько им нужно? Нет, по своей воле они от такой привилегии не откажутся. То, что эти мокасины сделаны кутенаи, вовсе не значит, что кутенаи их потеряли. Разве не мог потерявший их, принадлежавший к другому племени, получить их во время посещения одного из лагерей кутенаи?

– К какому бы племени они не принадлежали, мы заставим плакать это военный отряд за то, что они мне сделали! – воскликнул Хромой Бизон. И добавил, обращаясь к Белому Телёнку: – Вождь, вот о чем я прошу тебя: созови все отряды общества Всех Друзей, пусть они пойдут со мной, чтобы вернуть мою дочь и наказать убийц моей женщины.

– Хорошо, мы это обсудим. Хорошенько об этом подумайте, все вы, – сказал Белый Теленок.

Последовало долгое молчание, которое наконец прервал Сахта:

– Вожди, друзья, что сможет сделать там большой отряд, в несколько сотен человек? Ничего. Девушку могут спрятать от нас, может быть и убить, когда мы приблизимся к лагерю её похитителей, и скажут, что ничего о ней не знают. Я думаю, что это я должен пересечь Хребет, попасть к моим родственникам-калиспелам, и через них узнать, кто совершил этот набег, и где находится девушка; потом у нас будет достаточно времени для того, чтобы найти их и внезапно напасть на их лагерь, освободить девушку и убить множество их мужчин.

– Ты мудр, Сатха, и благороден; всегда готов помочь. Сделай это для нас; это единственное, что следует сделать, – ответил Белый Телёнок.

Остальные собравшиеся поддержали это предложение, все, кроме Хромого Бизона, который проревел:

– Нет! Я говорю, что мы пойдем сейчас и за Хребет и проверим один за другим все лагеря Западной Стороны, пока не найдем мою дочь. А потом, ха! как заставим мы плакать её похитителей!

– Хромой Бизон, друг мой, будь рассудителен; смотри на это так же, как я, – уговаривал его Белый Телёнок. – Мы не можем пойти воевать, нарушить наши мирные отношения с западными племенами, пока не выясним, к какому или каким из них принадлежат те, кого мы ищем.

– Да. Да, Хромой Бизон, посмотри на дело с этой стороны; ты должен понять, что Белый Телёнок здесь прав, – настаивал Солнечная Ласка, и ему вторили одобрительные восклицания остальных собравшихся. Потом Сайи сказал:

– Отец, будь спокоен, будь терпелив. Я пойду за Хребет вместе с Сахтой, если ты мне позволишь, и сделаю все, что смогу, чтобы помочь ему в этом деле.

– Да. Я рад, что ты пойдёшь со мной, – сказал Сатхи.

Хромой Бизон тяжело вздохнул, выбил пепел из своей большой трубки с каменной чашкой и сказал собравшимся, что нужно расходиться: «*Кай! Итсиниси!* (Вот! Она выкурена!)». И один за другим собравшиеся на совет поднимались и молча покидали вигвам.

Когда входной полог опустился за последним из них, я сказал:

– Сайи, я пойду за Хребет с тобой и Сатхой.

– Да. Конечно. Я знал, что так и будет, – ответил он.

Глава

III

Трое на тропе

Хромой Бизон, подумав ночь, решил, что он должен сопровождать нас – как он сказал, вести нас – в нашем путешествии по ту сторону гор в поисках Питаки, и на рассвете послал одну из своих женщин сообщить Сатхе о своем намерении, после чего последний, сильно обеспокоенный, отправился с этим к Белому Телёнку.

– Хромой Бизон только что сообщил мне, что хочет отправиться с нами тремя, вести нас на поиски своей дочери, – сказал он вождю. – Я не трус, но никогда не отправлюсь в опасное предприятие, которым он будет руководить или в котором будет участвовать. Ты не хуже меня знаешь, что он, если рассержен, становится безумным, теряет рассудок, не может собой управлять и набрасывается на врагов, пусть даже их будет сотня против него одного. Поэтому я прошу тебя пойти к нему и любым способом настоять на том, чтобы он оставался в лагере.

– Ха! Это будет трудно, он твердолобый, но я постараюсь. Ладно, дай мне подумать, что можно сделать, что сказать для того, чтобы заставить его изменить своё намерение, – ответил вождь.

Сатха вернулся в свой вигвам, а немного позже присоединился к Сайи и мне в вигваме Одинокого Вождя, и сказал нам, что он должен сделать. Белый Телёнок тем временем послал за четырьмя или пятью вождями кланов, и после короткого совета было решено, что одна из его женщин пригласит Хромого Бизона попировать и покурить. Мы слышали, как она его пригласила, слышали его тяжелые шаги, когда он входил в наш вигвам, а потом вышли и сидели, в безмолвном волнении, ожидая его возвращения.

Мы ждали долго; угощение и курение, для последнего нужно было четыре раза набить большую каменную трубку; четыре – священное число, так что всё это заняло несколько часов. Но наконец мы увидели, как он выходит, медленно, с серьезным выражением на лице, и, остановившись перед нами, он произнёс:

– Сатха и ты, дитя моё, я не смогу пойти с вами, повести вас через Хребет. Я нужен здесь, потому что уверен, что Вороны скоро выступят против нас, их будет много, чтобы отомстить за то, что Маленький Пёс со своим военным отрядом сделал с ними там, на реке Большой Головы, убив десять мужчин и забрав больше сотни лошадей. Да, Белый Телёнок и другие наши вожди уверены, что скоро они постараются нам за это отомстить, и хотят, чтобы я был здесь, чтобы возглавить своих Бешеных Псов, когда они появятся.

– Верно, вождь, верно; ты нужен здесь, – серьезным тоном ответил Сатха. – Но не волнуйся за нас; мы будем осторожны, мы будем упорны, и сделаем там, по ту сторону Хребта, всё, что ты от нас ожидаешь.

– Хорошо. Когда вы выходите?

– Как только жрецы Солнца устроят нам священную хижину для потения.

– Ах! Попроси сделать это Хвост Красной Птицы; его трубка Лосиного Языка очень сильна, – ответил Хромой Бизон и пошёл дальше.

Вздохнув, Сайи пробормотал:

– Отец мой! Будет ли он так же мудр, как храбр?

Хвост Красной Птицы с готовностью согласился устроить нам хижину для потения, и приказал своим женщинам построить её и нагреть камни для церемонии.

Потом, пока мы ждали окончания этого строительства, к нам вдруг подошёл Маленькая Выдра и сказал Сайи:

–Я собираюсь пойти вместе с вами на поиски твоей сестры.

– Нет. Ты не можешь пойти с нами, – был короткий ответ.

– Но я должен пойти, должен помочь найти её, потому что она должна стать моей женщиной.

– Не должна.

– Должна! Я говорил ей об этом.

– Она сказала нет, и ты ударил её по лицу.

– Этот удар ничего не значит, я должен пойти с вами, и я собираюсь забрать её, если она ещё жива.

– Маленькая Выдра, я руковожу поисками девушки, и нас будет только трое. Ты не можешь пойти с нами. Так что прекрати беспокоить нас и ступай своей дорогой.

– Ах! Ах! – сердито воскликнул он. А потом, злобно посмотрев на меня, прошипел: – Ты, Голова Орла, я видел, как ты целовал её! Ты больше не поцелуешь Питаки; она будет моей женщиной.

И с этими словами он ушел.

Сахта улыбнулся, Сайи вопросительно посмотрел на меня, и я сказал:

– Да. Я просил её стать моей женщиной; она отказалась.

– Лучше бы она стала твоей женщиной и была с нами здесь, в безопасности, – ответил Сайи, и после паузы добавил: – Следи за Маленькой Выдрой; у него злое сердце.

Хижина для потения, сделанная из ивовых прутьев и накрытая кусками кожи от вигвамов, была для нас готова, и Хвост Красной Птицы, старый, седой и морщинистый, ждал нас. Обнажённые, не считая одеял, в которые завернулись, мы последовали за ним внутрь, затем передали одеяла наружу. Женщины закатили в хижину докрасна раскаленные камни, и мы затолкнули их в маленькую ямку в центре хижины. Затянув первую из священных песен Лосиного Языка, жрец Солнца окунул бизоний хвост в чашу с водой и тряхнул им над камнями, и тут же густой пар наполнил хижину, едва не задушив нас; вскоре наши тела стали мокрыми от пота. Одна за другой для всех нас были спеты четыре песни, а затем старик попросил Солнце хранить нас от всех опасностей, могущих ждать нас на нашем пути, и дать нам успех в том, что мы должны сделать. Потом женщины передали ему его набитую трубку и уголёк, чтобы её зажечь. Один за другим мы сделали по несколько затяжек через длинный чубук, выпуская дым к Вышнему и к матери-земле, молясь об успехе нашего предприятия. Затем, после того как ещё несколько песен и молитв, серьезных, спетых низким голосом песен обряда Лосиного Языка, от которых все внутри меня сжималось и которые, как никакие другие, будь то песни индейцев или цивилизованных людей, заставляли меня дрожать, были наконец спеты, старик сказал нам:

– Вот! Всё закончено! Ступайте, дети мои. Идите, с вами сила Вышнего и моя магия Лосиного Языка. Идите, дети мои! Я буду молиться за вас.

Мы прекрасно знали, что он так и сделает. Каждый день за время нашего отсутствия он будет проезжать через большой лагерь, выкрикивать наши имена, петь священные песни и молиться об отсутствующих, не давая забыть о нас тем, кто мог бы забыть, если бы не его молитвы.

Забрав свои одеяла, мы поторопились к реке и окунулись в холодную воду, потом вернулись домой и оделись, оседлали лошадей, взяли нужные вещи и отправились в путь. Наши родственники, наши друзья, все находившиеся в лагере молча смотрели, как мы уходим, молча молились за успех нашего предприятия и благополучное возвращение; таков обычай черноногих много лучше, чем слёзы, крики и причитания при прощании, как это принято у белых.

Поднявшись по долине реки, мы добрались до гор вскоре после полудня. Тропа была широкой и хорошо натоптанной, местами пыльной от прохода бизонов, вапити и оленей. Мы тщательно осмотрели её в поисках следов всадников, но смогли найти только следы прошлогоднего конского навоза. Сахта сказал, что соплеменники его матери редко ею пользуются, они предпочитают более простой путь через перевал Двух Талисманов[3], когда нужно пройти из своей страны на бизоньи равнины. Бизоны всё лето были многочисленны на её маленьких долинах и равнинах по пути до самого верха хребта.

Примерно в пяти милях выше по каньону река раздваивалась, тропа резко сворачивала и поднималась по её южному, меньшему притоку. Там, слева от нас, поток обрывался каскадами в большой глубокий пруд. Когда мы приблизились к нему, Сахта, который шёл впереди, велел нам остановиться и посмотреть на него; там, на его краю, выдра, забравшаяся на скалу, внимательно смотрела в воду; внезапно она нырнула и почти разу же появилась вновь с большой форелью в зубах, и снова забралась на камень, чтобы попировать над своей добычей. Её мягкий мех плотно прилегал к её телу, когда она ныряла и плавала, делая её в это время самым гладким из всех животных.

– Это священное животное, оно мне нужно, – сказал Сайи. Но, едва он соскользнул с лошади, чтобы вернее прицелиться, выдра увидела или учуяла нас, тут же нырнула в пруд и больше не показывалась.

Амунис (Обёртывающий Мех) – так черноногие называют выдру, поскольку полоски её шкурки используются для того, чтобы обёртывать и завязывать ими концы мужских кос, а жезлы с привязанными к ним полосками шкурки используются во время церемониальных танцев воинами сообщества Рогов. Кроме того, это животное, представленное шкуркой, является важной частью ритуала магии Воды и в церемонии Сеятелей Табака.

От водопадов тропа круто поднималась к обширному, протяженному каменистому плато, медленно повышавшемуся к хребту перевала. Мы прошли по нему к началу крутого каньона, уходящего на запад. Там тропа продолжалась под высоким утесом и через очень крутой сланцевый выступ, который кололся под копытами лошадей и осколки которого падали на дно каньона, который был около тысячи футов глубиной. Лошади с трудом преодолели этот участок, боясь поскользнуться на его ненадёжной поверхности. Правда, шириной он был чуть более ста ярдов, дальше снова опора под копытами была надежной, и, обогнув поворот, Сахта остановил нас на поросшем можжевельником склоне и воскликнул:

– Вот, мои юные друзья, смотрите на неё, страну западных племен.

– *Ах! Патсикси кимитапи!* (Ах! Какая она бедная!) – сказал Сайи, и я полностью с ним согласился. Для нас, привыкших к залитым солнцем равнинам и частично поросшим лесом горным склонам с нашей стороны, западные склоны выглядели достаточно подавляюще: горы, хребет за хребтом, поросшие густым лесом до самых вершин, темные лесные долины между ними, без единого клочка равнины, на котором мог бы отдохнуть взгляд.

Почувствовав наши мысли, Сахта сказал:

– Не так тут плохо, как кажется. Ниже, в стране моей матери, есть длинные, поросшие хорошей травой равнины, и на севере, в стране кутенаи, равнины тоже есть.

– Да. И без бизонов ничего они не стоят, – сказал Сайи.

–Да, для нас они ничего не стоят, но их любят те, кто на этих равнинах живет и держат там много своих лошадей.

– А сами ходят по лесу пешком, чтобы добыть оленя или вапити, которые им нужны. Тяжелая у них жизнь, скажу я.

По пути наверх мы видели много пасущихся толсторогов, а теперь, спускаясь по извилистой тропе, мы часто пугали оленей и вапити, которые отдыхали рядом с тропой, а зачастую прямо на ней. Потом, когда мы были примерно в пяти милях от хребта, Сахта знаком велел нам спешиться и дальше идти пешком, сказав, что покажет нам много белых большеголовых, или, как называют их белые, горных козлов.

Тропа здесь проходила вдоль подножья горы, через кустарник, который был чуть выше нашего роста. Крутой, частью каменистый, частью поросший лесом или кустарником склон горы был идеальным местом для этих животных, и мы скоро увидели большую их группу, собравшуюся там, где под утесом в каменистой почве было углубление; как сказал нам Сахта, там был родник с солёной водой. Везде по горам, вблизи и вдали, были другие их группы – некоторые отдыхали, другие паслись или шли к родникам или от них. Самки и молодняк образовывали более крупные стада; самцы собирались в более мелкие группы или бродили поодиночке. Один старый, с длинной бородой самец сидел на ляжках на краю утеса немного выше нас, глядя вниз на тех, что бродили у его подножия – самая невероятная поза для жвачного животного. Если бы не рога и борода, неопытный наблюдатель вполне бы принять его за собаку. Вообще на склоне той горы их было не менее двух сотен – туда их привлекал родник с солёной водой. Они не только пили из него воду, но и поедали грязь вокруг него[4].

Специалисты говорят, что животные эти относятся к антилопам, *oreamnos montanus*, и что ближе всего они к горалам, антилопам из далекой Индии. Наше название для них – козы

– так же неправильно, как и название, данное черноногими – *ап-омукикина* (белый большеголовый). Они, несомненно, вначале спутали их с толсторогами, и назвали *омукикина* (большеголовый). Потом, встретив других животных, они стали называть их так, невзирая на то, что они сильно отличаются от них формой тела и рогов и голова у них намного меньше.

Нам не нужно было мясо *ап-омукикина*, поскольку оно сильно пахнет мускусом, поэтому мы прошли, не трогая этих животных, и уже в сумерках вышли к месту слияния нашего ручья с более крупным потоком, Медвежьей рекой салишей, как сказал Сахта, и там остановились на ночь. Мы спешились примерно в сотне ярдов к северу от тропы, стреножили лошадей, чтобы они смогли пощипать скудную лесную травку и, поскольку у нас был запас вяленого мяса и ягодного пемикана, костер разводить не стали, чтобы не выдавать себя. Чувствуя себя в безопасности от любого случайного военного отряда, проходящего по этой тропе, мы наскоро перекусили и легли спать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.